

Исследовательская рефлексия

DOI: 10.19181/inter.2026.18.3.1

EDN: XVCIWY

Услышать невысказанное: настройка чувствительной методологии

Ссылка для цитирования:

Бредникова О. Е. Услышать невысказанное: настройка чувствительной методологии // Интеракция. Интервью. Интерпретация. 2026. Т. 18. № 3. С. 11–28. <https://doi.org/10.19181/inter.2026.18.3.1> EDN: XVCIWY

For citation:

Brednikova O. E. (2026) Hearing the Unspoken: Tuning a Sensitive Methodology. *Interaction. Interview. Interpretation*. Vol. 18. No. 3. P. 11–28. <https://doi.org/10.19181/inter.2026.18.3.1>

Бредникова Ольга Евгеньевна

Социологический институт РАН —
филиал ФНИСЦ РАН,
Санкт-Петербург, Россия
E-mail: bred8@yandex.ru

Чувствительность в исследовании может быть сосредоточена не только в объекте изучения, но и в способе взаимодействия исследователя и исследуемого. В фокусе статьи — чувствительная методология, под которой понимаются методы и подходы, предполагающие особую чувствительность к телесному опыту и эмоциональным переживаниям исследуемых. Чувствительная методология дополняет и расширяет общую методологию качественных исследований и актуальна там, где исследователь сталкивается с барьерами вербализации. Она также позволяет проявить неявные исследовательские темы и фокусы.

В статье, опираясь на собственный полевой опыт, автор подробно рассматривает два подхода чувствительной методологии — мультисенсорную этнографию и мягкий методологический подход. Мультисенсорная этнография включает в анализ чувственный опыт человека (основанный на запахах, звуках, тактильности), через который информанты часто переживают и интерпретируют социальный опыт. Мягкий методологический подход, предполагающий телесную вовлеченность, медленный темп в исследовании и соблюдение принципа реципрокности, открывает доступ к невысказанному через соприсутствие и совместную деятельность. В данном случае знание

рождается не в режиме быстрой добычи данных, а в длительном разделяемом опыте.

Автором вводятся метафоры этих подходов: со-переживание как разделение чувственного и эмоционального опыта и со-бытие как совместность в исследовании. Эти метафоры отражают и позицию исследователя в поле, и способ получения знания. Систематическая рефлексия опыта совместности, собственных переживаний и ощущений, их анализ и интерпретация превращают фоновый и субъективный шум в полноценные академические данные.

Ключевые слова: сенситивная методология; мультисенсорная этнография; мягкий методологический подход; автоэтнография; полевое исследование

Введение

Текст о сенситивных полях стоит начать с одной из историй, коих было немало на моем исследовательском пути. Например, про то, как информантка — молодая женщина Гульнара, которая приехала в поисках работы в Петербург из одной из стран Центральной Азии, много и тяжело работала в клининговой компании, — убедительно рассказывала мне, что почти каждый месяц ходит с подругами в Эрмитаж. При этом мы обе знали, что она привирает, но упорно делали вид, что все нормально. Или про то, как во время исследования беженцев мне очень хотелось отвести Людмилу, бежавшую от войны из Мариуполя летом 2022 года, в кафе перекусить, а потом уже вести наши разговоры. Однако шестидесятилетняя женщина отказывалась и упорно вела меня в магазин «Улыбка радуги», чтобы купить дезодорант, который мне, откровенно говоря, не представлялся предметом первой необходимости. Лишь на другой встрече, с другой информанткой, тоже пережившей опыт беженства, я поняла причину такого приоритета, когда услышала историю о том, как тяжело возвращаться в нормальную жизнь после месяца жизни в подвале. И как сложно общаться с людьми, когда думаешь, что выглядишь не так или от тебя плохо пахнет. В ситуации, когда обнулились важные социальные статусы и роли, агамбеновская «голая жизнь» переживается не менее тяжело, чем голод [Агамбен, 2011].

Однако мне хочется рассказать другую историю, из поля, которое сложно назвать сенситивным. В фокусе этого исследования были разные районы Петербурга, и информанты рассказывали о том, чем им нравится или не нравится жить в том или ином районе. Согласно разработанной методологии, сначала команда исследователей брала интервью у жителей города, а затем предполагалось обратиться к методу go along и прогуляться по району проживания с теми же людьми, с которыми ранее проходили интервью. Информантка, молодая женщина, назовем ее Аллой, водила меня по местам, про которые рассказывала в интервью, и наша прогулка была своего рода иллюстрацией к тому, что я уже слышала. Спустя полчаса нашего хождения

по району у меня вдруг включилась иная оптика. Из подъезда одного дома вдруг пахло очень знакомо — сыростью, кошками, какой-то едой. Этот запах трудно разложить на составляющие. И я вспомнила свои ощущения из детства: так пахло в доме моей родственницы, которая жила в хрущевке, правда не в Петербурге, а в маленьком эстонском городке. Вместе с этим запахом на меня накатило совершенно определенное настроение — какой-то вселенской тоски и безнадеги. Ровно об этом мне пыталась сказать Алла, в то время как я активно пыталась заставить ее рационализировать свои ощущения: почему конкретно ей не нравятся этот район и эти дома? Наблюдением о своих ощущениях я поделилась с информанткой, и после этого разговор у нас пошел несколько по иному пути. Поделенный сенсуальный опыт как будто открыл новую дверь в исследовании, и мы стали говорить про запахи, звуки, цвет домов — про атмосферу места, а не про отсутствующие магазины и спортклубы.

Эти кейсы, на мой взгляд, хорошо демонстрируют недосказанность и определенное недопонимание между исследователем и информантом. Они свидетельствуют или о неопытности исследователя, который не слышит того, что в силу разных причин сложно высказать информанту, или же об отсутствии у него нужного инструментария. В первом случае фантазии Гульнары, признаюсь, меня раздражали. Я с тоской слушала ее, не перебивая, не уточняя и, конечно же, не разоблачая. Просто терпеливо ждала, пока информантка выговорится, и размышляла о том, что мне, к сожалению, не удалось выстроить с ней доверительные отношения. Сейчас, с высоты опыта, я понимаю, что не смогла услышать Гульнару, которая таким способом пыталась что-то донести до меня. Мне следовало прислушаться к такой поломке в ходе интервью и попытаться разобраться с ее причинами. Во втором кейсе интервью с Людмилой не приблизило меня к пониманию того, что такое беженство. Мы много говорили о лишениях, которые испытывает человек, вынужденный бежать от войны, однако за пределами наших разговоров осталась проблема возвращения в обычную жизнь, в частности, телесный опыт. Я не сразу осознала его значимость и сложности рефлексии об этом. В последнем примере мне все-таки удалось услышать информантку. Это произошло через определенную сенсуальную со-настройку в тот момент, когда в наше общение я включила свой собственный опыт.

Обычно под сенситивными полями понимают исследование стигматизированных или табуированных тем, например, смерти, насилия, психических заболеваний, сексуальности. Или же в фокусе исследования оказываются уязвимые и маргинализированные группы — дети, беженцы и мигранты, люди с инвалидностью, меньшинства. Здесь перед исследователем помимо научной может стоять и политическая задача: дать голос невидимой и уязвимой группе. От него требуется глубокая рефлексия относительно своей позиции, своего влияния на поле и даже возможных последствий публикации результатов. Сенситивными могут стать исследования зон конфликтов и нестабильности, закрытых институтов или деятельности, связанной с правовыми рисками. Такие исследования требуют прежде всего повышенного внимания к этическим

вопросам и проблемам, в частности, к конфиденциальности и анонимности собранной информации. В данном случае исследования разворачиваются в поле множества моральных дилемм, а этические соображения могут даже превалировать над чисто научными целями (см., например, [Возьянов, Гучинова, Дубек и др., 2021]).

В статье я предлагаю посмотреть на чувствительные поля не из перспективы сложной темы или уязвимости исследуемых групп, но с точки зрения методологии, которая позволит уловить умалчиваемое, плохо рефлекслируемое или трудно вербализуемое. В такой методологии чувствительность сосредоточена не в объекте изучения, а в точке соприкосновения исследователя с исследуемым. Более того, я полагаю, что любое поле можно рассматривать как чувствительное, если мы не только признаем многомерность и телесную укорененность опыта информантов, но и подойдем к его исследованию с чувствительной методологией. Под чувствительной методологией здесь я буду понимать использование исследовательских методов и подходов, которые позволяют вскрыть то, что невозможно увидеть и услышать в простом интервью или наблюдении, пусть оно будет даже участвующим. Речь пойдет о мультисенсорной этнографии и мягком методологическом подходе, которые предполагают особую чувствительность к телесному опыту исследуемых и их эмоциональным переживаниям, а активное включение в анализ опыта и переживаний самого исследователя помогают их уловить.

Безусловно, в качественной методологии рефлексия и эмпатия исследователя являются важными методологическими инструментами, однако зачастую они в большей мере проявляют себя как коммуникативные компетенции. В предлагаемом подходе я делаю попытку пересмотреть их роль в исследовании, превратив в систематические процедуры анализа. Здесь же следует заметить, что чувствительная методология актуальна не для всех качественных исследований. Она важна там, где исследователь сталкивается с барьерами вербализации, возникающими по ряду причин, среди которых не только табу, стыд, травма или институциональное молчание, но и взаимная нехватка языковых средств у исследователя и информанта. Кроме того, чувствительная методология помогает настроить неочевидные исследовательские фокусы, которые зачастую сложно обнаружить и актуализировать, не включая в исследование саморефлексию. При этом предложенный подход скорее дополняет и расширяет общую методологию качественных исследований, но не заменяет ее.

Итак, в данной статье я хочу, опираясь на собственный полевой опыт, поразмышлять над эвристическим потенциалом мультисенсорной этнографии и мягкого методологического подхода, а также над тем, как они помогают услышать невысказанное и уловить актуальные исследовательские темы и фокусы. Мультисенсорная этнография рассматривается в связке с автоэтнографией, потому как чувствительность к собственным телесным и эмоциональным переживаниям позволяет исследователю увидеть и лучше понять переживания исследуемого.

Высказанное телом: со-переживание в мультисенсорной этнографии

Любой социальный опыт, будь то миграция, политическое решение или повседневная рутина, имеет телесное измерение, он всегда телесно воплощен и прочувствован. При этом чувства и эмоции не выступают фоном, а встроены в саму ткань социальной реальности. Игнорирование телесной и чувственной перспектив не просто обедняет исследование, но не позволяет увидеть комплексность изучаемого феномена. При этом сенсорные переживания сложно поддаются вербализации. Это связано прежде всего с долингвистической природой ощущений: многие наши чувства возникают до их осмысления в словах [Majid, Levinson, 2011]. В то же время сенсорный опыт, несмотря на определенную скудость языковых средств, а также индивидуальность переживаний, культурно обусловлен и глубоко социализирован, и потому его возможно изучать в том числе и через анализ номинаций, ибо индивидуальное переживание становится социально разделяемым и понятным в процессе взаимодействий. Один из подходов, который позволяет уловить чувственный и телесный опыт исследуемого, — это подход, предложенный мультисенсорной этнографией. Он ставит в центр внимания чувственный опыт (восприятие звуков, запахов, вкуса, тактильные ощущения) при изучении социальных и культурных практик. Как писала российская исследовательница Полина Ваневская, сенсорная этнография «выступает методологическим ресурсом понимания жизненных миров людей, а также специфики их отношений с материальными объектами и средой повседневного опыта» [Ваневская, 2021: 18]. Этот подход, безусловно, не нов, однако пока еще не стал исследовательским мейнстримом.

Суть сенсорной этнографии состоит в изучении жизненного мира человека через непосредственное телесное и чувственное взаимодействие с окружением. В работе австралийского социолога Сары Пинк «Делая сенсорную этнографию» выстраиваются методологические основания, систематизируются подходы и даются практически советы по ее применению в эмпирических исследованиях [Pink, 2015]. Согласно С. Пинк, этнография — это практика, вовлекающая всего исследователя: его тело, чувства, эмоции и рефлексивность. Исследовательница говорит о чувственности как о целостном восприятии мира, где все чувства взаимосвязаны. Она вводит понятие эмпатирования, которое отражает факт, что все мы встроены в сложную сеть сенсорных отношений, куда включены другие люди, места, атмосфера, воспоминания и наши собственные тела, и в данном случае сенсорная этнография — это исследование процессов взаимного эмпатирования.

Появление и распространение в социологии и антропологии сенсорных методов и подходов мультисенсорной этнографии ныне уже расценивается как сенсорный поворот. Так, в статье Дэвида Хоуза, выступающей введением к специальному выпуску журнала “The Senses and Society” и посвященной мультисенсорной этнографии, прослеживается эволюция антропологических и социологических исследований от текстоцентричных моделей к современной

мультисенсорной этнографии [Howes, 2025]. Хоуз вводит ключевое различие между сенсорной и мультисенсорной этнографиями. Последняя, по мнению автора, выступает в качестве более широкой парадигмы и является мультимодальной. Методология мультисенсорной этнографии — это со-участие в чувственном, или разделение чувственного.

В работе Карен Накамуры «Как понять сенсорную этнографию: сенсуальный и мультисенсорный подходы» [Nakamura, 2013] также проводится различение подходов сенсорной этнографии и представлена их классификация. По мнению автора, сенсуальная этнография фокусируется на теле и субъективном аффективном опыте самого исследователя. Это феноменологический подход, который стремится передать, каково *быть* в исследуемом месте или ситуации. Цель такого исследования — передать атмосферу, настроение, телесные ощущения. Основным методом исследования в рамках этого подхода — автоэтнография, глубокое погружение в собственные телесные и эмоциональные реакции в поле. В качестве примера можно рассматривать работу самого автора в сообществе глухих в Японии. К. Накамура анализирует, как ее собственное тело училось чувствовать ритм и пространство жестового общения, как менялось ее восприятие тишины и шума. Второй подход — мультисенсорная этнография — фокусируется на том, как другие люди используют, классифицируют и наделяют смыслом свои чувства и телесные переживания. Это, скорее, классический антропологический подход, но примененный к сенсорной сфере. Здесь используются традиционные методы исследования, такие как структурированные и полуструктурированные интервью с фокусом на чувствах и переживаниях информантов, проводится анализ лексики, отражающей ощущения, изучаются культурные практики, связанные с чувствами.

Мой опыт исследования сенсуальности не очень богат. Потребность в новых подходах и методах я ощутила в исследовании, посвященном квалификации и оценке разных городских районов, когда пыталась понять, как и с помощью каких критериев люди описывают и оценивают районы проживания. В собранных интервью информанты описывали не только материальность района, в частности, состояние домов, дорог и дефициты инфраструктуры, но и обращались к понятию атмосферы места [Бредникова, 2023: 214]. Атмосфера, или атмосферность, — сложный концепт с насыщенной историей [Böhme, 1993; Griffero, 2014; Шишова, 2018]. Под атмосферой места чаще всего понимается комплексное, эмоционально-чувственное восприятие пространства, которое складывается из совокупности физических, сенсорных, социальных и культурных факторов. Это синестезийный феномен, где звуки, запахи, зрительные образы и тактильные ощущения сливаются в единое эмоциональное переживание, наделяющее пространство уникальным смыслом. Участники исследования пытались описать свой район через его атмосферность. Это были сложные нарративы с длиннотами и поиском подходящих слов для описания того, что они чувствуют. Информанты говорили об атмосфере места, описывая свое настроение, эмоции («радуюсь, когда возвращаюсь», «охватывает тревога») и употребляя определенные телесные идиомы и метафоры («оживаю на Удельной»). Также в интервью речь шла и о сенсорных переживаниях. Так, жители

того или иного района рассказывали о шуме от трамваев, о запахе от помоек, о красивом свете закатного солнца, который можно наблюдать из окна.

Существует специфика таких нарративов. Прежде всего, сенсуальные переживания практически всегда эмоционально насыщены. Через эмоциональную окрашенность четко прочитывается отношение к месту. Примером может служить экспрессивно-оценочное высказывание о районе близ станции метро «Лиговский проспект»: *«Там всегда жуткая вонь!»*. Эмоции бывают не только отрицательные, но и положительные, но справедливости ради стоит отметить, что отрицательные преобладают. Я полагаю, это вызвано тем, что о сенсуальных переживаниях без наводящих вопросов интервьюера в основном говорили в ситуации поломок. Так, тема запаха проблематизируется в тот момент, когда он напрягает и не нравится. Это справедливо и для других сенсуальных переживаний, например, когда речь идет о звуках. Раздражают навязчивые и громкие звуки, и про них охотнее будут рассказывать, нежели про их отсутствие или про звуки, приятные уху. О тишине района говорят, но гораздо реже. И в данном случае тишина сопряжена скорее с общим ощущением покоя, нежели с приглушенными звуками или с их полным отсутствием. Кроме того, чувственные переживания часто встроены в биографическую перспективу. Так, ощущения могут быть связаны с определенным моментом в биографии (*«как в детстве»*) или с трансформацией ощущений в течение жизни (*«в молодости я любила движ центра, теперь дико устаю от него»*). В собранном материале телесные переживания зачастую выражены в телесных метафорах (*«[в центре города] глаза тесно»*).

Итак, специфика нарративов, посвященных сенсуальным переживаниям, прежде всего связана с тем, что они идут в плотной сцепке с эмоциями, вписаны в биографические опыты и часто выражены метафорами. Несмотря на такую комплексность и своего рода герметичность нарративов, деконструкция сенсуальных переживаний, помещенных в разнообразные контексты эмоциональных оценок и биографических ситуаций, позволила выявить вовлеченность и значение разных чувств в оценку и квалификацию городских районов. Следует признать, речь в интервью редко заходила конкретно о чувственном опыте в ощущении района. Информацию об этом я собирала буквально по крупицам из всего немаленького массива интервью. При этом важность этого материала, как и сенсорного подхода в целом, я не осознавала до прогулки с Аллой, описанной в начале статьи.

Этот случай стал для меня своего рода методологическим откровением. Совместная прогулка, которая изначально выстраивалась как простая иллюстрация рассказанного в интервью, открыла важность обращения к мульти-сенсорной этнографии в городских исследованиях. Невысказанное проявило себя через поделенный сенсорный опыт: мы перестали говорить о недостатках инфраструктуры и наконец заговорили об атмосфере места — о настроении места, связанном с его запахами, цветом асфальта и фактурой штукатурки. Запах сырости и кошек, внезапно вернувший меня в детство, оказался тем самым мостом, который соединил мои ощущения с ощущениями информантки. Я поделилась этими переживаниями, и информантка их частично подхватила,

но в чем-то поспорила. И мы обе словно нащупали общий язык, который оказался гораздо точнее и уместнее рационализированных объяснительных схем квалификации района. В данном случае тело исследователя выступило как резонатор, улавливающий те вибрации поля, которые невозможно записать на диктофон, и открыло новую перспективу исследования.

Обращение к мультисенсорному подходу актуально и для других тем. Например, фокусировка на чувственном опыте и телесных переживаниях может расширить понимание проблем интеграции мигрантов. Одновременно я вижу определенные сложности в исследовании чувственного опыта, связанные и с недостатком языковых средств для вербализации переживаний, и с определенной интимностью темы телесности, что, собственно, и произошло в ситуации с Людмилой, беженкой из Украины, которая, очевидно, чувствовала себя некомфортно и не могла озвучить проблемы, которые считает постыдными. Как показало исследование, беженство — очень чувствительная тема, сопряженная не только с утратой дома, но и с сильными телесными переживаниями, выраженными среди прочего чувством стыда [Бредникова, 2023]. В данном случае, как и в случаях со сложностями вербализации или неотрефлексированностью чувственных переживаний, прямой заход в тему и прямые вопросы не будут работать. В менее сложном случае исследования районов прямой вопрос: «Чем пахнет Ваш район?» — возможно, вызовет определенную рефлексию, и мы получим развернутый нарратив, однако, предполагаю, все равно многое останется за кадром.

Исследователи предлагают целый арсенал приемов и техник, позволяющих говорить с информантами о сенсуальном опыте [Pink, 2015]. В частности, прием сравнений сенсуальных переживаний в разных локациях или ситуациях, фокусировка на телесных реакциях, работа с памятью и биографией и пр. Я полагаю, в данном случае может также помочь включение личности и тела исследователя в исследование. Необходимо объединить сенсуальные исследования с мультисенсорной этнографией, которые методологически предлагала различать Карен Накамура, например, фокусироваться не только на анализе чувственных переживаний исследуемых, но и включать в анализ собственные телесные и эмоциональные реакции. При этом важно не держать свои переживания при себе, а делиться ими с информантами, чтобы вызвать ответную реакцию, разговорить их. Таким образом, исследование сенсуального опыта тех, кого исследуешь, должно включать в себя и автоэтнографический подход.

Обычно под автоэтнографией понимают качественный исследовательский подход, в котором исследователь использует личный опыт как основной материал для анализа, рефлексивно описывая и интерпретируя этот опыт [Handbook, 2013; Denzin, 2014]. В отличие от классической этнографии, где ученый наблюдает за другими, автоэтнограф помещает в центр исследования себя, рассматривая свою жизнь как текст, через который можно увидеть более широкие культурные паттерны, нормы и практики. Автоэтнография признает, что знание всегда ситуативно и субъективно, а исследователь не может быть нейтральным наблюдателем, и потому предлагает субъективный опыт сделать явленным, проговорить его. Дмитрий Рогозин радикально называет

автоэтнографию «спланированной, хорошо структурированной и соотнесенной с внешним миром исповедью» [Рогозин, 2015: 224]. Я же, вслед за Сергеем Соколовским, понимаю автоэтнографию несколько шире. Для него автоэтнография — это своего рода метаметод [Соколовский, 2017], который предполагает гипервключенное наблюдение не только за информантом, но и за собой, за исследователем. Полагаю, что всякое качественное исследование в той или иной мере может стать автоэтнографичным, связано ли это с тем, как мы выбираем тему, со стратегией вхождения в поле или с рекрутингом информантов. В автоэтнографическом подходе исследователю необходимо рефлексировать каждое свое действие, отслеживать, как оно влияет на исследование, какие эффекты вызывает. Фокус в таком исследовании смещается или, точнее, расширяется и включает в себя не только объект исследования, но и отношения, которые складываются с информантом. Именно в ходе взаимодействия исследователя и информанта рождается знание, и потому оно должно быть включено в анализ. Таким образом, собственные переживания исследователя, его ощущения, реакции, представления и пр. требуют постоянной и глубокой рефлексии. В кейсе с Аллой они помогли услышать информантку и фактически открыли новую исследовательскую перспективу.

Я полагаю, подобную вовлеченность и рефлексивность в исследовании можно обозначить как *со-переживание*, которое в моем случае помогло услышать невысказанное. Здесь со-переживание понимается не столько как этическая позиция или эмоциональная реакция, но как рефлексивное разделение опыта с информантом, при котором исследователь не растворяется в чужой боли или радости, но использует собственное тело и аффективную систему как резонирующий камертон, позволяющий уловить те вибрации смысла, которые ускользают от диктофона и транскрипта.

Впустить время в исследование: замедление в мягком методологическом подходе

Эпизод с Гульнаррой, упомянутый в начале статьи, мог бы получить свое развитие, если бы я не пропустила мимо ушей то, что информантка пыталась мне сказать своим обманом. Сам по себе обман довольно информативен, если попробовать понять, почему он происходит. Возможно, если бы я провела с Гульнаррой больше времени и встречалась с ней неоднократно, я бы смогла обсудить ее фантазии и поняла бы, чем они вызваны и что стоит за ними: простое ли желание понравиться, представление себя истинной петербурженкой в соответствии с некой воображаемой моделью, сложная стратегия интеграции или другие варианты. Мне, очевидно, не хватило времени, чтобы переформатировать наши отношения, чтобы мы, преодолев отчуждение публичной ситуации, коей, несомненно, является интервьюирование, смогли обсудить еще массу других важных тем, которые помогли бы понять слова и действия этой молодой женщины. Такой подход сделал бы исследование не столь поверхностным. Однако я ограничилась одной встречей и разговором,

в котором за пару часов очень многое осталось невысказанным и — более того — не услышанным.

Полагаю, фактор времени в сенситивной методологии имеет большое значение. Реалии современной академии, как правило, противоречат логике медленных исследований, что, впрочем, не отменяет ни их ценности, ни самой возможности их проводить. Мне представляется действительно важной и актуальной концепция мягкого методологического подхода (*gentle methodological approach*), предложенного английской исследовательницей Лорой Поттингер [Pottinger, 2025]. Мягкий методологический подход опирается на идеи *телесности*, *медлительности* и *реципрокности*.

Согласно Поттингер, тело исследователя — один из исследовательских инструментов. Для того чтобы лучше слышать и понимать информанта, необходима телесная вовлеченность, которую возможно достичь через совместную деятельность. Так, Поттингер описывает процесс совместной с информанткой прополки огорода, что стало для участников действия разделенным телесным опытом, поводом для разговоров и, не менее важно, пауз, когда можно комфортно молчать друг с другом. Стоит отдельно подчеркнуть ценность совместной тишины, в которой невербализуемое (телесное ощущение, аффект, смутный образ) получает шанс проявиться, не будучи стиснутым в рамки готовых речевых форм. В оптике мягкого методологического подхода пауза может стать событийным пространством, где встречаются тело и аффект, где невыразимое получает шанс проявиться помимо слов. Пауза разворачивает исследование от режима добычи данных к режиму *со-бытия*, в рамках которого снижается давление на информанта.

Мягкость предполагает также особую *темпоральность* — медленный темп и низкую громкость исследования. Так, медленное исследование позволяет больше времени проводить с информантом, чаще встречаться с тем, кого исследуешь, болтать не по теме, делать что-то вместе. Возможность не спешить дает больше совместных контекстов и ситуаций для наблюдения, обсуждения и понимания. Низкая громкость исследования — это своего рода установка на вслушивание. Она предполагает сознательное снижение исследовательского шума: отказ или гибкость в отношении навязчивого и в чем-то агрессивного инструментария (например, интервьюирования в точном соответствии гайду), минимизацию резкого вторжения в жизнь информанта, чуткость к паузам и пр.

Мягкая методология — это также и про взаимный обмен, в котором не только исследователь получает свою порцию информации, но и исследуемый что-то обретает взамен. Реципрокность в исследовании необходима для поддержания взаимного интереса. Информант получает внимание и понимание исследователя, и в этом случае исследование может иметь терапевтический эффект. Об этом, в частности, свидетельствует искренняя благодарность, которую мы часто слышим в конце интервью. Информант действительно бывает благодарен и за возможность высказаться, и за интерес, который проявляет исследователь к нему. Иногда ответным даром информанту за участие в исследовании может стать реальная помощь, будь то прополка огорода в исследовании Лоры Поттингер или политическая

поддержка в суде [Kirsch, 2018]. В то же время реципрокность порождает определенную взаимозависимость исследователя и информанта, которая не всегда позитивна. Она может сопровождаться сложными негативными проявлениями и эмоциями, например чувством вины или зависимости и несвободы. Однако сам взаимообмен и анализ любых его проявлений очень важен и информативен, и мягкий подход в исследовании как раз призван учитывать эти многослойные формы и эффекты взаимности.

Итак, мягкий подход, требующий телесной рефлексивности и совместности, медленного темпа общения и чуткости к проявлениям реципрокности, обладает исследовательской силой. Он позволяет получить доступ к тем аспектам реальности, которые ускользают при более агрессивных или дистанцированных методах. В частности, подход, предложенный Поттингер, позволил ей увидеть и концептуализировать феномен тихого активизма — значимую, но часто невидимую политическую работу, которая совершается в повседневности через практики заботы. Тема реципрокности, ее границ и эффектов, на мой взгляд, заслуживает отдельного разговора. Здесь я бы хотела сфокусироваться на идее совместности, а также на факторе времени в исследовании, точнее, его медленном темпе и большой длительности. Это взаимосвязанные факторы, ибо возможность проводить с информантом много времени дает больше ситуаций для совместных активностей.

В моем исследовательском опыте было два формата продолжительных исследований. Первый — полуторагодовой полевой этап исследования этнической экономики, что в нынешних академических реалиях стало уже роскошным максимумом. Кроме того, я была вовлечена в лонгитюдное исследование феномена транснационализма [Жить, 2021], в рамках которого полевое исследование шло в течение пяти лет, и мы с коллегами возвращались к нашим информантам каждые полгода.

Длительный полевой этап в исследовании этнической экономики позволил долго входить в поле, рекрутировать подходящих под задачи исследования информантов и, самое главное, долго общаться с ними. Мы с коллегой часами проводили время на рынке, вместе с нашими информантами сидели за прилавком, ходили друг к другу в гости, вместе гуляли по городу, вместе ходили по магазинам и так далее. В процессе мы выстраивали и переживали совместность, о которой пишет Поттингер.

Я полагаю, что совместность отличается от наблюдения, пусть оно будет включенное или участвующее (как бы мы его ни называли). Если наблюдение — это метод сбора данных, то совместность — это, скорее, онтологическое и этическое условие полевой работы. В участвующем наблюдении исследователь приходит в сообщество, чтобы понять его изнутри. Он участвует в жизни людей, аккумулируя данные об их мире, практиках и представлениях. В данном случае социолог или антрополог временно становится *своим*, чтобы лучше понять и описать тех, кого исследует. В совместности фокус, скорее, не на *них*, но на *нас*. Знание не добывается, а производится совместно в процессе взаимодействия. Исследовательским вопросом становится не только вопрос, *что они делают*, но и — *что происходит между нами сейчас?* В участвующем наблюдении между

исследователем и исследуемым складываются ассиметричные субъект-объектные отношения, в то время как в совместности эти отношения, скорее, партнерские. Участники исследования выступают соавторами ситуации, находятся в диалоге. Исследователь не просто наблюдает и учится, он вовлечен в общие дела, эмоциональные переживания, конфликты, радости. Он анализирует, как его присутствие меняет поле и наоборот — как поле меняет исследователя. В этой связи результатом не обязательно будет академический текст, но, например, совместный проект, активизм, выставка, фильм или даже просто изменение понимания себя у всех участников взаимодействия. Так, именно на основании совместности возникают вовлеченная и активистская антропология — исследовательские подходы, направленные не просто на изучение сообществ, но на практическое улучшение их жизни через сотрудничество, адвокацию и вмешательство (см., например, [Kirsch, 2018; Hale, 2006]).

Выстраивание совместности требует больше усилий и временных затрат, нежели наблюдение. Одной из исследовательских находок продолжительного полевого этапа при исследовании этнической экономики стало наблюдение за тем, как на протяжении всего проекта менялась роль исследователей в отношениях с информантами. Это была своего рода карьера [Бредникова, 2009]. Так, сначала мы с коллегой для наших информантов были *чужаками*: к нам относились с подозрением, неохотно шли на контакт. Мы находились по разные стороны прилавка, и общение ограничивалось короткими вопросами и такими же короткими ответами о том, откуда привезли товар и откуда приехали сами продавцы. Затем мы поближе познакомились с зеленщиками, торгующими на Кузнечном рынке в Петербурге, и поварами импровизированной столовой на Сенном рынке, и наша роль изменилась. Мы стали восприниматься как *почетные гости*, которых приглашали в дом и для которых накрывали стол, однако не пускали в приватную сферу, где протекает не показная и торжественная, но реальная повседневная жизнь с ее проблемами и скелетами. Когда информанты подустали от застолий ввиду наших регулярных визитов и привыкли к ним, отношения перешли в другой формат. Нас с коллегой стали привлекать к решению множества проблем и вызовов, которые встают перед мигрантами — людьми, обживающимися на новом месте. Мы стали для них кем-то вроде *проводников* или *социальных работников*, которые помогают устраивать детей в школу, записывают на прием к врачу и даже вытаскивают из отделения полиции после очередного рейда на рынке. Очевидно, в качестве большого достижения можно рассматривать момент, когда женщины стали меня пускать к себе на кухню, и я смогла участвовать в готовке и просто болтать с ними. Кроме того, нам с коллегой предложили стать партнерами по бизнесу и торговать рядом. Я полагаю, что на этом этапе развития наших отношений мы стали *своими*, с которыми выстраиваются равные отношения. Здесь классическая логика обмена дарами, где исследователь берет интервью и отдает внимание или помощь, уступает место иной экономике. Даром становится присутствие в жизни друг друга и совместно проведенное время.

Все эти периоды в карьере исследователя по-своему важны и информативны. Дело не только в процессе выстраивания доверительных отношений, но в том,

что каждый этап давал новые знания об исследуемом феномене. Так, в начале пути мы столкнулись с границами, которые обороняют от вмешательства чужаков. Затем, будучи почетными гостями, мы оказались в пространстве публичных репрезентаций, услышали множество мифов о различиях национальных культур. На этапе сближения и помощи мы увидели реальные барьеры в интеграции мигрантов и то, как работает ксенофобия на повседневном уровне и уровне социальных институтов. На этапе партнерских отношений мы были допущены к информации о нелегальных практиках неформальной экономики. Каждый исследовательский период был безусловно ценен, и длительное пребывание в поле позволило пройти все эти этапы. Лишь благодаря медленному темпу и мягкости, в частности отказу от форсированной добычи данных в пользу долгого присутствия каждый из этапов смог подарить нам знание, которое невозможно получить в режиме быстрого интервью или краткосрочного наблюдения.

В данном исследовании совместность проявилась не как разовый акт, а как длительный процесс, в ходе которого исследователи и исследуемые двигались в сторону друг друга. Пожалуй, о совместности стало возможно говорить лишь на этапе социальной работы, когда мы реально были вовлечены в жизнь информантов, помогали решать проблемы, с которыми сталкиваются мигранты. Один из примеров из поля — мой поход к врачу вместе с Бузором, мигрантом из Таджикистана, сорокалетним мужчиной, который на момент нашего исследования жил в Петербурге около пяти лет и работал на рынке поваром. Однажды он попросил сходить с ним к врачу, ибо боялся, что его не примут в силу отсутствия постоянной регистрации. Мы пришли в частный медицинский центр, где я помогла оформить документы в регистратуре. Бузор сначала пошел на прием к врачу один, а я ждала рядом с кабинетом, решив, что во время приема я, собственно, не нужна. Надо заметить, что Бузор неплохо говорит по-русски, так как, помимо пятилетнего стажа работы на рынке в Петербурге, у него за плечами опыт службы в советской армии. Спустя несколько минут врач пригласил меня войти в кабинет, где, на мой взгляд, разыгралась совершенно нелепая сцена, когда врач обращался ко мне и просил передать своему пациенту, что надо сдать анализы. Бузор отвечал тоже мне и просил уточнить у врача, что за анализы, где их сдавать и сколько это будет стоить. Нелепость ситуации состояла в том, что весь разговор шел на русском языке. Врач почему-то решил, что пациент не поймет его, и потому обращался исключительно ко мне. Бузор принял ситуацию, зеркалил ее и тоже общался только со мной. Точнее, с врачом, но через меня. Я сидела между участниками взаимодействия таким образом, что они даже не видели друг друга. В эту ситуацию было вовлечено мое тело, ибо я прочувствовала, как мной фактически огораживаются, избегая прямой коммуникации. Оно стало чем-то вроде заплатки, соединяющей разорванную социальную ткань. Для того чтобы коммуникация состоялась, потребовался посредник, и столь сложная и опосредованная коммуникация ничуть не смущала ее участников. В итоге Бузору назначили обследование и лечение, а я много вынесла для исследования из этой ситуации. В частности, как происходит исключение и какие формы может принимать ксенофобия.

Мягкий и «негромкий» подход к исследованию позволяет коммуницировать с информантами как бы вне целенаправленного и фокусированного сбора информации. Возможность просто присутствовать рядом позволяет подойти непосредственно к теме исследования не напрямую, а как бы исподволь. Можно вместе пропалывать огород, пить чай или помогать выполнять домашнее задание ребенку информанта, как это происходило в одном из моих исследований мигрантов из стран Центральной Азии. До этого момента мы с Саидой — молодой женщиной, приехавшей из Узбекистана, — просто болтали о жизни в Петербурге и о наших детях. А потом к нам подошла восьмилетняя дочка Саиды, которую здесь зовут русским именем Маша, и попросила о помощи с уроками. И за эти полчаса нашего общения с ребенком я услышала и поняла не меньше, а может быть, даже больше, чем за два часа разговоров с Саидой, почему ее дочке так тяжело дается учеба. Я увидела, как непонятно сформулированы задания для ребенка, который лишь недавно стал учиться в российской школе и еще не понимает многих социальных и символических контекстов этих заданий. Увидела, как категорично красной ручкой в тетради девочки перечеркнуты выполненные задания по русскому языку, потому что учительница не справилась с огромным количеством ошибок, сделанных ребенком. Здесь можно представить отчаяние учителя, у которого нет ни ресурсов, ни специализированных знаний для обучения детей-инофонов, однако в данном случае исправление ошибок утратило свою педагогическую функцию и превратилось в акт символического исключения.

Я полагаю, что лонгитюдное исследование тоже можно рассматривать как формат длительного исследования и как своего рода мягкий методологический подход, позволяющий регулярно встречаться с одними и теми же людьми в течение продолжительного времени. Регулярное возвращение в поле позволяет увидеть ситуативную обусловленность и контекстуальность представленных в разговорах с исследователями мнений, версий своей биографии, интерпретаций событий, рассказов о практиках и прочем (см., например, [Богданова, Ткач, 2009]). Так, в рамках проекта по исследованию транснационализма я в течение пяти лет примерно раз в полгода встречалась с молодым человеком по имени Абдор, который приехал в Петербург из Таджикистана. На первой встрече он представлял себя как хорошо интегрированного человека — *«практически русского»*. На следующей встрече, которая произошла спустя полгода, он демонстрировал иные практики и настроения, в частности, рассказывал, как важна для него этническая принадлежность, и *«никто не может никогда менять свою этничность. Если родился таджиком, нужно этим только гордиться»*. И такие метаморфозы охватывали практически все темы, которые мы раз за разом обсуждали на наших встречах в рамках проекта. И в данном случае передо мной как исследователем стояла задача реконструировать контексты и ситуации, в рамках которых представлялось то или иное мнение, и понять, с чем были связаны кардинальные изменения идентичности и интеграционных практик.

Итак, мягкий методологический подход, предлагаемый Лорой Поттингер, формирует особую коммуникативную среду, которую точнее было бы назвать

пространством со-бытия. В этом пространстве исследователь становится спутником информанта, буквально следуя за ним в его повседневных маршрутах и разделяя его активности и практики. Такое со-бытие позволяет увидеть и услышать не только и не столько то, что информант может высказать. Здесь знание рождается в самом акте соприсутствия и извлекается не через вопросы, но через совместную деятельность и рефлексии о собственном участии, чувствах и эмоциях. Такую совместность может обеспечить длительное исследование с регулярным возвращением в поле и совместным времяпрепровождением.

Со-переживание и со-бытие как чувствительный методологический подход. Вместо заключения

Качественная методология выступает мощным инструментом социологического и антропологического познания, так как позволяет не просто обозначать тренды или фиксировать внешние проявления социальной жизни, но и проникать в глубинные слои субъективного опыта, реконструируя те смыслы, ценности и невысказанные переживания, которыми люди наделяют свои повседневные действия. При этом, я уверена, сила качественного подхода в его комплексности, и необходимо использовать весь арсенал методов, который он предлагает. Именно такой комплексный подход, сочетающий множество источников эмпирических данных и разные методы сбора информации, обладает эвристической силой, может раскрыть многослойность социальной реальности, которую мы изучаем.

В статье я предложила посмотреть на то, как обогащают исследование, помогают услышать невысказанное и уловить не всегда заметные, но актуальные исследовательские темы и фокусы пока еще не столь распространенные в качественной методологии подходы — мультисенсорная этнография и мягкий методологический подход. Обращение к этим подходам помогает исследователю и информанту войти в режим взаимного телесного и аффективного со-настроя. В данном случае знание уже не извлекается из информанта, но рождается синхронизированными телами и эмоциональным резонансом. *Со-переживание* (как разделение чувственного и эмоционального опыта) и *со-бытие* (как совместность) создают условия для получения такого знания. Метафоры со-переживания и со-бытия, на мой взгляд, хорошо отражают и позицию исследователя в поле, и способ получения знания при обращении к мультисенсорной этнографии и мягкому методологическому подходу. Как показывает мой исследовательский опыт, эти подходы позволяют услышать то, что не высказано информантом в силу разных причин, будь это отсутствие языка для описания сенсорного опыта, неотрефлексированность переживаний или же следствие недостаточной близости и не сложившихся доверительных отношений. В конечном счете быть чувствительным исследователем означает не столько задавать правильные и аккуратные вопросы, но приближаться к информанту, подстраиваться под его темп и слышать его тишину.

Напоследок стоит заметить, что сами по себе со-переживание и со-бытие еще не есть производство социологического или антропологического знания. Путь от включенности к рационализации лежит через рефлексивные процедуры, в частности, систематическое вынесение собственных ощущений в полевые заметки, их последующий анализ и интерпретация как полноценных данных, а не субъективного шума.

Литература / References

- Агамбен Дж. *Homo sacer*. Суверенная власть и голая жизнь. М.: Европа, 2011.
- Agamben G. (2011) *Homo sacer. Suverennaya vlast i golaya zhizn* [Homo Sacer. Sovereign Power and Bare Life]. Moscow: Evropa. (In Russ.)
- Богданова Е. А., Ткач О. А. Назад, в «поле»: опыт исследования деревенского сообщества // Уйти, чтобы остаться: Социолог в поле / Под ред. В. Воронкова, Е. Чикадзе. СПб.: Алетейя, 2009. С. 102–113.
- Bogdanova E. A., Tkach O. A. (2009) Nazad, v "pole": opyt issledovaniya derevenskogo soobshchestva [Back to the "Field": Experience of Studying a Rural Community]. In: Voronkov V., Chikadze E. (eds.) *Uyti, chtoby ostatsya: Sotsiolog v pole* [Leaving to Stay: Sociologist in the Field]. SPb.: Aleteiya. P. 102–113. (In Russ.)
- Бредникова О. «Чистота опасности»: Field-фобии в практике качественного социологического исследования // Уйти, чтобы остаться. Социолог в поле / Под ред. В. Воронкова, Е. Чикадзе. СПб.: Алетейя, 2009. С. 17–35.
- Brednikova O. (2009) "Chistota opasnosti": Field-fobii v praktike kachestvennogo sotsiologicheskogo issledovaniya ["Purity of Danger": Field Phobias in the Practice of Qualitative Sociological Research]. In: Voronkov V., Chikadze E. (eds.) *Uyti, chtoby ostatsya: Sotsiolog v pole* [Leaving to Stay: Sociologist in the Field]. SPb.: Aleteiya. P. 17–35. (In Russ.)
- Бредникова О. Е. (Не) новые вопросы в новых условиях (методологические и этические проблемы в исследованиях беженцев из Украины) // Интеракция. Интервью. Интерпретация. 2023. Т. 15. № 2. С. 34–50. DOI: <https://doi.org/10.19181/inter.2023.15.2.2> EDN: GIOPZW
- Brednikova O. E. (2023) (Not) New Questions in New Conditions: Methodological and Ethical Problems in Studies of Refugees from Ukraine. *Interaktsiya. Interv'yu. Interpretatsiya* [Interaction. Interview. Interpretation]. Vol. 15. No. 2. P. 34–50. DOI: <https://doi.org/10.19181/inter.2023.15.2.2> (In Russ.)
- Бредникова О. Е. «В Питере жить...»: квалификация городских районов // Городские асимметрии: политики, практики и репрезентации / Отв. ред. Е. В. Тыканова. М.: ФНИСЦ РАН, 2024. С. 211–228.
- Brednikova O. E. (2024) "V Pitere zhit...": kvalifikatsiya gorodskikh raionov ["Living in St. Petersburg...": Qualification of Urban Districts]. In: Tykanova E. V. (ed.) *Gorodskie asimmetrii: politiki, praktiki i reprezentatsii* [Urban Asymmetries: Policies, Practices and Representations]. Moscow: FCTAS RAS. P. 211–228. (In Russ.)
- Возьянов А. Г., Гучинова Э. Б., Дудек Ш., Касаткина А. К., Козлова И. В., Лярская Е. В., Пироговская М. М., Скибо Д., Станюкович М. В., Стукалин Г. Д. Форум: Опасности поля: перспектива исследователя // Антропологический форум. 2021. № 48. С. 11–88. DOI: <https://doi.org/10.31250/1815-8870-2021-17-48-11-88>
- Vozyanov A. G., Guchinova E. B., Dudeck S., Kasatkina A. K., Kozlova I. V., Lyrskaya E. V., Pirogovskaya M. M., Skibo D., Stanukovich M. V., Stukalin G. D. (2021) Forum: Field Dangers: The Researcher's Perspective. *Antropologicheskii forum* [Antropologicheskii Forum]. No. 48. P. 11–88. DOI: <https://doi.org/10.31250/1815-8870-2021-17-48-11-88> (In Russ.)
- «Жить в двух мирах»: переосмысляя транснационализм и транслокальность / Под ред. О. Бредниковой, С. Абашина. М.: Новое литературное обозрение, 2021.

Brednikova O., Abashin S. (eds.) (2021) "Zhit' v dvukh mirakh" pereosmyslyaya transnatsionalizm i translokal'nost' [«Living in Two Worlds»: Rethinking Transnationalism and Translocality]. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie. (In Russ.)

Ваневская П. Н. Сенсорная этнография как методологический ресурс качественных исследований // Интеракция. Интервью. Интерпретация. 2021. Т. 13. № 2. С. 8–26. DOI: <https://doi.org/10.19181/inter.2021.13.2.1>

Vanevskaya P.N. (2021) Sensory Ethnography as a Methodological Resource for Qualitative Research. *Interaktsiya. Intervyu. Interpretatsiya* [Interaction. Interview. Interpretation]. Vol. 13. No. 2. P. 8–26. DOI: <https://doi.org/10.19181/inter.2021.13.2.1> (In Russ.)

Соколовский С. В. Жизнь как поле: заметки об автоэтнографии // Поле как жизнь. 2017. С. 167–188.

Sokolovsky S.V. (2017) Life as a Field: Notes on Autoethnography. *Pole kak zhizn* [Field as Life]. P. 167–188. (In Russ.)

Шишова Е. С. Атмосфера городских пространств: от метафоры к языку описания // Журнал социологии и социальной антропологии. 2018. Т. 21. № 4. С. 85–103. DOI: <https://doi.org/10.31119/jssa.2018.21.4.4>

Shishova E. S. (2018) The Atmosphere of Urban Spaces: From Metaphor to a Language of Description. *Zhurnal sotsiologii i sotsial'noy antropologii* [The Journal of Sociology and Social Anthropology]. Vol. 21. No. 4. P. 85–103. (In Russ.)

Böhme G. (1993) Atmosphere as the Fundamental Concept of a New Aesthetics. *Thesis Eleven*. Vol. 36. No. 1. P. 113–126.

Denzin N.K. (2014) *Interpretive Autoethnography* 2nd ed. Thousand Oaks: Sage.

Griffero T. (2014) *Atmospheres: Aesthetics of Emotional Spaces*. London: Routledge.

Hale C.R. (2008) *Engaging Contradictions: Theory, Politics, and Methods of Activist Scholarship*. Berkeley: University of California Press.

Holman J.S., Adams T.E., Ellis C. (eds.) (2013) *Handbook of Autoethnography*. Walnut Creek: Left Coast Press.

Howes D. (2025) Introduction to Multisensory Ethnography. *The Senses and Society*. Vol. 20. No. 2. P. 161–170. DOI: <https://doi.org/10.1080/17458927.2025.2520100>

Kirsch S. (2018) *Engaged Anthropology: Politics Beyond the Text*. Oakland: University of California Press.

Majid A., Levinson S.C. (2011) The Senses in Language and Culture. *The Senses and Society*. Vol. 6. No. 1. P. 5–18. DOI: <https://doi.org/10.2752/174589311X12893982233551>

Nakamura K. (2013) Making Sense of Sensory Ethnography: The Sensual and the Multisensory. *American Anthropologist*. Vol. 115. No. 1. P. 132–135. DOI: <https://doi.org/10.1111/j.1548-1433.2012.01544.x>

Pink S. (2015) *Doing Sensory Ethnography*. London: SAGE Publications.

Pottinger L. (2025) Treading Carefully through Tomatoes: Embodying a Gentle Methodological Approach. *Area*. Vol. 57. No. 3. P. 1–7. DOI: <https://doi.org/10.1111/area.12650>

Сведения об авторе:

Бредникова Ольга Евгеньевна — кандидат социологических наук, старший научный сотрудник, Социологический институт РАН — филиал ФНИСЦ РАН, Санкт-Петербург, Россия. **E-mail:** bred8@yandex.ru. **РИНЦ Author ID:** 533305; **ORCID ID:** 0000-0002-6954-1273; **Researcher ID:** ABD-1736-2020.

Статья поступила в редакцию: 15.03.2026

Принята к публикации: 01.06.2026

БАК: 5.4.1

Hearing the Unspoken: Tuning a Sensitive Methodology

DOI: 10.19181/inter.2026.18.3.1

Olga E. Brednikova Sociological Institute of RAS —
Branch of the FCTAS RAS, St. Petersburg, Russia
E-mail: bred8@yandex.ru

The article reconsiders the traditional understanding of sensitive fields as exclusively “difficult” topics (death, violence, trauma) or research on vulnerable groups. Research experience shows that sensitivity may be located not so much in the object of study as in the mode of interaction itself — in the “point of contact” between the researcher and the researched. Any field, regardless of its theme, can reveal sensitive layers if we acknowledge the embodied nature of experience, its affective intensity, and the fundamental incompleteness of verbalization. The researcher’s task is to calibrate a methodology capable of capturing what is left unsaid, poorly reflected upon, or entirely resistant to articulation.

Three approaches are examined as instruments for such calibration: multisensory ethnography, the gentle methodological approach, and autoethnography. Multisensory ethnography enables the inclusion of sensory experience (smells, sounds, tactility) in the analysis — experience that, being pre-linguistic in nature, often remains beyond the reach of interviews, yet it is precisely through the senses that informants experience and interpret social reality, whether an urban neighborhood or a situation of forced displacement. The gentle approach, which requires bodily involvement, a slow pace, and attentiveness to pauses, grants access to the unspoken through co-presence and “co-being” (so-bytie), where knowledge emerges not in the mode of “data extraction” but through shared experience. Autoethnography, in turn, transforms the researcher’s own body and affective system into a resonating instrument, attuned to those “vibrations of the field” that cannot be captured by a voice recorder.

Keywords: sensitive methodology; multisensory ethnography; gentle methodological approach; autoethnography; field research

Author Bio:

Olga E. Brednikova — Candidate of Sociology, Senior Researcher, Sociological Institute of RAS — Branch of the FCTAS RAS, St. Petersburg, Russia. **E-mail:** bred8@yandex.ru. **RSCI Author ID:** 533305; **ORCID ID:** 0000-0002-6954-1273; **Researcher ID:** ABD-1736-2020.

Received: 15.03.2026
Accepted: 01.06.2026